

0-788623

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БАКУРОВА Татьяна Ивановна

Размер предложения в поэзии и прозе
М.Ю. Лермонтова

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Акимова Галина Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Рогова Кира Анатольевна
(Санкт-Петербургский государственный университет)

кандидат филологических наук, доцент
Силантьев Евгений Евгеньевич
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Ведущая организация: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Защита состоится «24» июня 2011 г. в 15:30 часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «20» июня 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000678123

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Руднев Д.В.

Язык художественных произведений М.Ю. Лермонтова, в частности их синтаксис, неоднократно становился объектом лингвистического изучения. Существующие работы можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся работы, в которых художественный язык Лермонтова исследовался в связи с изучением стилистической системы творчества писателя. Среди этих работ выделяются, прежде всего, исследования Б.М. Эйхенбаума «Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки» (1924), Л.Б. Перельмуттера «Язык прозы М.Ю. Лермонтова» (1941) и В.В. Виноградова «Стиль прозы Лермонтова» (1941). Вторая группа работ посвящена особенностям риторических фигур в творчестве Лермонтова. К их числу относятся работы И.В. Андреевой, С.П. Вавиловой и В.П. Вомперского, посвященные особенностям сравнений в творчестве Лермонтова, а также Л.А. Матвиевской об употреблении оксюморона. К третьей группе можно отнести собственно синтаксические работы, посвященные анализу различных сторон синтаксиса произведений Лермонтова. Среди работ последней группы особо выделяется докторская диссертация В.П. Сухотина «Синтаксис прозы М.Ю. Лермонтова (Словосочетание)» (1950), автор которой попытался «дать систематическое описание словосочетаний в прозе Лермонтова, установить их типологию и функции, выявить и по возможности объяснить зависимость употребления тех или иных конструкций от содержания и характера текста». Чрезвычайно ценным в работе Сухотина является стремление связать наблюдения над синтаксисом словосочетания с особенностями творчества Лермонтова. Ничего подобного по охвату синтаксического материала и его осмыслению после работы В.П. Сухотина не появлялось.

В различных статьях, появившихся после труда Сухотина, исследовались разные стороны синтаксиса художественного языка Лермонтова: элементы разговорного синтаксиса (А.В. Немешайлова, Н.П. Кравченко), синтаксические галлицизмы (Н.П. Кравченко), особенности словорасположения (В.Н. Абашина и И.В. Вороновская), особенности составного именного сказуемого (Л.А. Зелепукина), выражение субъективно-оценочной модальности (Э.Г. Борш) и др. Приведенный обзор работ, посвященных грамматическим особенностям художественного языка Лермонтова, показывает их очевидную недостаточность. Существует значительный пласт явлений, связанных с функционированием простого и сложного предложения в творчестве писателя, которые так и не получили систематического описания.

Цель данного диссертационного исследования состоит в том, чтобы на основе сопоставления размера предложения в поэтических и прозаических текстах, относящихся к разному периоду творчества М.Ю. Лермонтова, показать динамические процессы в индивидуальном синтаксисе автора.

Для достижения указанной цели были определены следующие задачи:

1. Произвести подсчет размера предложения в поэтических и прозаических произведениях М.Ю. Лермонтова.

2. Сделать сопоставительный анализ размера предложения в поэтических произведениях Лермонтова, относящихся к раннему и позднему творчеству поэта.

3. Сопоставить размер предложения в трех романах Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени»).

4. В рамках романа «Герой нашего времени» сопоставить размер предложения в новеллах, составляющих роман.

5. Проинтерпретировать полученные в ходе сопоставления данные в качественном аспекте.

В работе использовались статистический, описательный методы, а также метод сопоставительного анализа.

В своей работе мы исходили из гипотезы, что приемы Лермонтова-поэта должны были найти отражение в особенностях синтаксической организации предложения и отбора синтаксических структур в его прозе. Частично гипотеза подтвердилась.

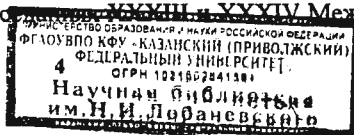
Актуальность данной работы обусловлена тем, что в ней вводятся в научный оборот новые лингвистические данные, позволяющие описать синтаксис художественного языка Лермонтова как диахроническую систему. Кроме того, диссертационное исследование вносит вклад в изучение синтаксиса художественной речи в целом.

Предметом настоящего диссертационного исследования является количественный и качественный аспект предложения в поэзии и прозе Лермонтова. **Материалом** исследования послужили поэтические произведения Лермонтова, написанные в 1828–1836 гг., поэма «Мцыри», романы «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени». При отборе произведений учитывались два критерия: исследуемый материал, во-первых, должен представлять как поэтическое, так и прозаическое творчество Лермонтова и, во-вторых, относиться к разным периодам творчества писателя.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что впервые на основе количественных методов в рамках идиостиля Лермонтова прослеживается динамика в употреблении синтаксических конструкций (простое предложение и разные виды сложного предложения). Изменение количественных параметров предложения рассмотрено в аспекте творческой эволюции писателя, в связи с жанрово-стилистическими особенностями исследованных произведений, особенностями поэтики, а также в связи с общими изменениями в языке русской прозы 1830–40-х гг.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования полученных данных в курсах по истории русской литературы, истории русского литературного языка, стилистики русского языка, в специальных курсах, посвященных языку художественных произведений.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на аспирантском семинаре кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ, а также на заседании Ученых Ученых Международной

филологической конференции СПбГУ. По материалам диссертационного исследования опубликованы три статьи.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и двух приложений, в которых в виде таблиц и графиков представлены результаты статистического исследования синтаксиса по различным параметрам.

Положения, выносимые на защиту.

– Подсчет размера предложения в ранней лирике и в поэме «Мцыри» дает основание сделать вывод о значительной стабильности поэтического синтаксиса у Лермонтова. Такую стабильность можно связать с версификационными факторами: стихотворная форма достаточно жестко навязывает произведению определенные параметры предложения.

– Проза Лермонтова противопоставлена его поэзии в отношении стабильности размера предложения. Это позволяет сделать вывод о том, что в прозе Лермонтов значительно свободнее в отборе синтаксических структур, что находит отражение в значительных колебаниях размера предложения.

– От раннего романа «Вадим» к «Герою нашего времени» наблюдается отчетливая тенденция к уменьшению основных параметров размера предложения в прозе Лермонтова. Это отражает усиление влияния на язык прозы Лермонтова синтаксиса устной речевой стихии.

– Размер предложения в романе «Герой нашего времени» обнаруживают значительную близость к размеру предложения в поэтическом творчестве Лермонтова. В основе сходства параметров лежит как общее влияние конструкций разговорной речи на язык лермонтовской поэзии и прозы, так и отчетливое стремление Лермонтова в своем позднем творчестве к сближению языка прозы и поэзии.

– Жанровая форма и тема прозаического произведения оказывают сильное влияние на параметры предложения. Это отчетливо выявляется на примере романа «Герой нашего времени», представляющего собой «цепь повестей», объединенных фигурой Печорина. Сопоставление размера предложения в новеллах, характеризующихся жанровой неоднородностью и гибридность, продемонстрировало значительную вариабельность ряда параметров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** формулируется цель и задачи предпринятого диссертационного исследования, обосновывается его новизна, научная и теоретическая значимость, определяются методы исследования и дается история изучения синтаксиса художественного языка Лермонтова.

В **первой главе** *Исследование размера предложения в трудах по грамматике и стилистике* прослеживается история изучения размера предложения (РП) в отечественной и зарубежной лингвистике. РП определяется целым рядом факторов, среди которых возраст человека, форма речевой деятельности (устная или письменная), тематическое наполнение

речи, стилистические установки говорящего, объем человеческой памяти и пр.

Грамматическая сторона проблемы РП исследована в работах В.Г. Адмони, Г.Н. Акимовой, Т.М. Веселовской, Г.Ф. Калашниковой, Н.И. Конюховой и др. Протяженность как простого, так и сложного предложения связана с его грамматическим устройством – видами словосочетаний, различной способностью к разветвлению или расширению синтагм в зависимости от категориальных свойств слов и их валентности, однако выбор конструкций, степень их расширения зависят от задач коммуникации, которые непосредственно проявляются в жанрово-стилистических разновидностях языка. Г.Н. Акимовой удалось показать, что ряд количественных показателей зависит от грамматических факторов и характерен для текстов любой жанрово-стилевой принадлежности. На материале прозы Ломоносова (а также отчасти Сумарокова, Тредиаковского, Крашенинникова и Лепехина) было выявлено, что в среднем сложное предложение в два раза длиннее простого самостоятельного предложения, а простое самостоятельное предложение в среднем в два раза длиннее простого предложения в составе сложного, что простые предложения в составе бессоюзных и сложносочиненных предложений обычно короче главных предложений в составе сложноподчиненных предложений и что размер придаточной части сложного предложения зависит как от ее семантики, так и от позиции относительно главной части. Г.Ф. Калашникова проследила зависимость размера многокомпонентных сложных предложений от их грамматического устройства, придя к выводу, что этот параметр не является суммой составляющих ее предикативных единиц, а зависит от способа их сочетания. Грамматические факторы, определяющие РП, являются исторически устойчивыми.

РП является важной жанрово-стилевой и индивидуально-авторской характеристикой текста и определяется авторским отбором тех синтаксических конструкций, которые существуют в национальном языке в конкретный момент времени. Выбор синтаксических моделей организации предложения определяется, во-первых, задачами коммуникации, которые различны в разных функциональных стилях, а во-вторых, личными вкусовыми предпочтениями автора текста. Второй фактор особенно ярко проявляется в том случае, если язык обладает развитой системой синонимических средств, позволяющей один и тот же смысл передать по-разному: синонимические синтаксические модели имеют неодинаковую протяженность в словах, и, таким образом, употребление автором одних синтаксических моделей при одновременном отказе от других влияет на протяженность предложения.

Предоставляемый автору текста выбор синтаксических моделей не одинаков в различных функциональных стилях: в деловом и отчасти в научном стиле возможности выбора ограничены в силу унификации используемых языковых средств, позволяющей устранить смысловые,

грамматические и стилистические оттенки и актуализировать собственно информативную сторону сообщения. Следствием этого является ослабление индивидуально-авторской вариабельности РП. Наоборот, в публицистическом и особенно художественном стиле РП обнаруживает сильную вариабельность. Значительная вариабельность РП в художественной прозе определяется, прежде всего, авторскими предпочтениями при отборе синтаксических конструкций для построения текста.

РП – величина исторически изменчивая. Исследования Г.Н. Акимовой, Г.А. Лескиса, Т.М. Веселовской и др. показали, что начиная с XVIII в. происходит неуклонное сокращение среднего размера цельного предложения¹ в научной, публицистической и художественной прозе. Например, развитие синтаксиса научной прозы шло по пути увеличения размера простого предложения и уменьшения размера сложного предложения при одновременном увеличении доли простых предложений за счет сокращения доли сложных предложений. Уменьшение размера сложного предложения, уменьшение доли сложных предложений и одновременное увеличение размера простого предложения и увеличение доли простых предложений в научном стиле – явления взаимосвязанные: за счет внутреннего усложнения (введение деадъективов, девербативов, причастных и деепричастных оборотов) простое предложение смогло взять на себя функции сложного предложения.

Схожая тенденция прослеживается в русской художественной прозе: на протяжении XIX – начала XX века в ней происходит постепенное уменьшение среднего размера цельного предложения. Это происходило не столько за счет уменьшения размера простого предложения, сколько за счет уменьшения доли сложного предложения при одновременном уменьшении среднего размера сложного предложения. Своеобразного пика этот процесс достигает, по-видимому, в 1920–1930-е годы, когда расцвет получает расчлененная (актуализирующая) проза, но в дальнейшем этот процесс усложнился, так как наряду с расчлененной прозой вторую жизнь получает синтагматическая проза. Именно этим, судя по всему, можно объяснить некоторое увеличение размера сложного предложения и средней сложности сложного предложения во второй половине XX века.

История изучения РП на материале русской прозы дополняется в главе разделом, посвященным изучению РП на материале других языков. Отмеченная на материале русской прозы тенденция к сокращению среднего размера цельного предложения на протяжении последних веков прослеживается и на материале других языков.

Во второй главе *Сопоставительный анализ размера предложения в поэзии и прозе Лермонтова* анализируется РП в поэтических и прозаических произведениях, относящихся к разным периодам творчества писателя. Глава состоит из четырех частей. В первой части анализируется РП в ранней поэзии

¹ Под цельным предложением понимается любое предложение без учета его синтаксической структуры.

и поэме «Мцыри»; в остальных трех частях исследуется РП в романах «Вадим», «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени».

В ходе исследования были проведены подсчеты среднего размера цельного предложения (РЦП), среднего размера простого самостоятельного предложения (РПП), среднего размера сложного предложения (РСП) и среднего размера простого предложения в составе сложного (РППС). Предложением считалась последовательность слов между двумя знаками, маркирующими конец предложения; под словом понималась последовательность графем между двумя пробелами (П. Вашак). При определении границ простого предложения однородные сказуемые, сравнительные обороты, вставные конструкции и обращения рассматривались как явления осложнения простого предложения; при определении границ сложного предложения инфинитивные конструкции, вводимые союзом «чтобы», квалифицировались как придаточные цели, а бессоюзное соединение предикативных частей рассматривалось как вид сложного предложения. Подсчитывались и анализировались только предложения, составляющие авторское повествование.

Кроме указанных параметров, был произведен подсчет доли сложных предложений в тексте (М), подсчет средней сложности сложного предложения (\bar{C}) и подсчет доли разных видов сложного предложения (сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных и сложных предложений с разными видами связи) относительно количества сложных предложений и всех предложений в тексте.

Полученные данные представлены в таблице²:

		\bar{n}	\bar{n}_1	\bar{n}_c	$\bar{n}_{\text{с}}$	М %	М ₁ %	М ₂ %	М ₃ %	М ₄ %	Р ₁ %	Р ₂ %	Р ₃ %	Р ₄ %	\bar{C}
1.	Поэзия 1828-1836 гг.	15,9	9,0	21,9	6,5	68,6	22,1	14,5	14,2	17,8	32,3	21,1	20,7	25,9	3,3
2.	Поэма "Мцыри"	16,3	8,9	21,2	6,7	48,0	12,9	16,8	7,4	10,9	26,8	35,0	15,5	22,7	3,9
3.	Роман "Вадим"	40,0	8,5	48,6	9,3	78,6	16,5	13,8	12,2	36,2	20,9	17,5	15,5	46,1	5,2
4.	Роман "Княгиня Лиговская"	26,0	10,8	32,0	9,2	71,0	19,3	14,2	18,7	19,5	26,9	19,8	26,1	27,2	2,4
5.	Роман "Герой нашего времени"	17,0	8,35	23,3	7,8	57,7	19,5	9,26	13,9	14,9	33,9	16,0	24,2	25,9	3,2

² \bar{n} — средний размер цельного предложения; \bar{n}_1 — средний размер простого самостоятельного предложения; \bar{n}_c — средний размер сложного предложения; $\bar{n}_{\text{с}}$ — средний размер простого предложения в составе сложного;

М — коэффициент сложности (процент сложных предложений в тексте); М₁, М₂, М₃, М₄ — процент бессоюзных, сложносочиненных, сложноподчиненных и предложений с разными видами связей относительно всех предложений текста;

Р₁, Р₂, Р₃, Р₄ — процент бессоюзных, сложносочиненных, сложноподчиненных и предложений с разными видами связей относительно количества всех сложных предложений текста;

\bar{C} — средняя сложность сложного предложения, полученная делением количества простых предложений в составе сложных на количество сложных предложений.

В первой части второй главы в сопоставительном аспекте анализируется РП в ранней лирике Лермонтова (1828–1836 гг.) и в поэме «Мцыри», относящейся к более позднему творчеству.

Л.В. Пумпянский выделяет в стихотворном творчестве Лермонтова два периода, которые он противопоставляет друг другу. Для первого периода характерно стремление Лермонтова-поэта взволновать читателя, обратиться к его эмоциям; отбор и соединение слов подчиняется не принципу смысловой точности: стихотворение должно эмоционально заражать читателя. Второй период стихотворного творчества начинается с 1837 г., когда «неточный», экспрессивный стихотворный стиль сменяется предметно-точным. Вначале Лермонтов-поэт ориентируется на пушкинские стихотворные образцы, но в дальнейшем «он усваивает не готовое, уже данное, воплощение принципа пушкинского стиха, а самый этот принцип, – и может потому творить согласно этому принципу и исходя из него» (Л.В. Пумпянский).

Несмотря на существенные различия в стихотворных принципах первого и второго периода, РП обнаруживает очень незначительные расхождения. Так, в ранней лирике Лермонтова РЦП составляет 15,9 слова; РПП – 9 слов; РСП – 21,9 слова; РППС – 6,5 слова. Хотя в ранней поэзии встречаются простые предложения, состоящие из 25 слов и более, подавляющее их большинство состоит из 4–8 слов; значительная часть сложных предложений состоит из 13–23 слов, но их размер может достигать 45 и более слов. Доля сложных предложений в лермонтовской лирике раннего периода составляет 68,6%. По степени употребительности различные типы сложного предложения располагаются в следующем порядке: бессоюзное сложное предложение (32,3%), сложные многочленные предложения с разными видами связи (25,9%), сложносочиненное предложение (21,1%), сложноподчиненное предложение (20,7%).

Анализ размера предложения в поэме «Мцыри», относящейся к позднему поэтическому творчеству, дал следующие данные: РЦП составляет 16,3 слова; РПП – 8,9 слова; РСП – 21,2 слова; РППС – 6,7 слова. По этим параметрам поэма практически не отличается от поэзии 1828–36 гг. Это свидетельствует о том, что, в отличие от прозы Лермонтова, где РП значительно варьируется в зависимости от выбора темы, манеры письма или жанровых форм, в поэтическом творчестве на первый план выходят формальные аспекты организации фразы, то есть метрическая и ритмическая сторона. Подобные выводы были сделаны Г.Н. Акимовой на материале одической поэзии М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова.

Во второй части второй главы анализируется РП в романе «Вадим» (1831–1832 гг.). В ходе подсчетов были получены следующие данные: РЦП – 40 слов; РПП – 8,5; РСП – 48,6. Очень большой РЦП в первом романе Лермонтова создается за счет двух факторов – очень значительной доли сложных предложений в тексте (78,6% от числа всех предложений в тексте) и значительной протяженности сложных предложений. Последнее происходит

не за счет протяженности предикативных частей в его составе, а за счет увеличения их числа: сложное предложение в романе обладает очень большим коэффициентом сложности – 5,2 предикативной единицы на одно предложение, однако части, из которых состоит сложное предложение, имеют небольшую среднюю протяженность (РППС) – 9,3 слова.

Особенности синтаксиса романа «Вадим» обусловлены общей ориентацией его языка на языковую манеру В. Гюго и риторическую прозу А.А. Бестужева-Марлинского. Для этой прозы были характерны различные виды повторов, придававшие повествованию суггестивный характер и одновременно увеличивавшие объем фразы. Ср.: *Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев; они спорили, бранились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провидению; создания, лишенные права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления* (глава 1). Среди других факторов, способствовавших увеличению РЦП в романе, было введение в повествование развернутых описаний и структур «прерывистого синтаксиса» (В.В. Виноградов).

Фрагменты, построенные на основе прерывистого синтаксиса, часто имеют значительную протяженность и изобилуют многоточиями, отделяющими одну из мыслей или одно из переживаний от другой мысли или переживания, часто противоположных им. Такие построения, по словам В.В. Виноградова, должны были внушить иллюзию, что «перед читателем воссоздавалась во всем ее беспорядочном и эмоциональном течении эмоциональная пульсация речи и мысли бурно чувствующей личности». Ср.: *Кровь кинулась Вадиму в голову, он шепотом повторил роковую клятву и обдумывал исполнение; он готов был ждать..... он готов был всё выносить.... но сестра! если.... о! тогда и она поможет ему..... и без трепета он принял эту мысль; он решился завлечь ее в свои замыслы, сделать ее орудием... решился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало..... странно! он любил ее; — или не почитал ли он ненависть добродетелью?....* (глава 6).

К данным построениям трудно применить традиционную синтаксическую терминологию: многочисленные многоточия и тире демонстрируют слабую связь между предикативными частями, в связи с чем однозначная грамматическая квалификация таких структур оказывается затруднительной.

В третьей части второй главы анализируются данные РП в романе «Княгиня Лиговская» (1836–1837), который отражает особенности языка т.н. «светской повести», представленной в творчестве А.Ф. Вельтмана, В.А. Соллогуба, Н.Ф. Павлова, В.Ф. Одоевского, А.А. Бестужева-Марлинского и др. писателей. Конфликт светской повести составляет столкновение

неординарного героя с предрассудками светского общества, который реализуется в любовной истории – обычно заканчивающейся трагически. В светской повести происходит значительная психологизация изображаемой действительности: основное внимание автора обращено не на изображение нравов, а на зарисовку характеров, психология которых раскрывается в любовных переживаниях героев.

Исследователи, писавшие об особенностях романа «Княгиня Лиговская», отмечают его психологизм и близость изобразительной манеры к пушкинской манере изображения внутреннего мира героя через поступок. Внутренний мир героя большей частью показан как бы извне, в поступках и отношениях с окружающими. Лермонтов акцентирует свое внимание на «обрисовке социально-бытового фона, материальной обстановки, нравов и понятий общества» (Е. Михайлова), наоборот, переживания героя передаются автором очень сдержанно – в этом принципиальное отличие от повествовательной манеры «Вадима».

Изменение принципов повествования находит отражение в языке романа: язык становится конкретным, усиливается роль детали. Повествовательный стиль романа значительно сближается с бытовой речью. По словам А.В. Чичерина, для «Княгини Лиговской» характерен «сильный вещественный или, говоря условно, натуралистический нажим». Язык второго романа находится под сильным влиянием Гоголя, Пушкина и Одоевского.

Смена повествовательной манеры сказалась на изменении количественных показателей РП: РЦП в романе составляет 26,0 слов, РПП – 10,8, РСП – 32,0. Сложные предложения составляют 71% текста. Сопоставление с данными романа «Вадим» показывает сокращение всех показателей, кроме РПП, который обнаруживает тенденцию к увеличению. Последнее связано с тем, что в романе значительно чаще, чем в «Вадиме», встречаются развернутые простые предложения: подавляющее большинство простых предложений состоит из 7–13 слов. Например: *Увлекаясь сам наружной красотой и обладая умом резким и пронизательным, Печорин умел смотреть на себя с беспристрастием и, как обыкновенно люди с пылким воображением, преувеличивал свои недостатки* (гл. 8); *У двери, ведущей из зала в гостиную, сидели две зрелые девы, вооруженные лорнетами и разговаривающие с двумя или тремя молодыми людьми — не танцующими* (гл. 9).

Несмотря на увеличение РПП, РЦП не увеличивается, а снижается. Это обусловлено тем, что резко уменьшается РСП по сравнению с «Вадимом» – почти в 1,5 раза. Вместе с тем доля сложных предложений в «Княгине Лиговской» остается достаточно высокой и мало отличается от предшествующего романа. Увеличению доли сложного предложения в романе способствует избранные Лермонтовым принципы повествования: душевная жизнь героя изображается через деталь, через его поведение, автор стремится детерминировать внутреннюю жизнь героя внешними

обстоятельствами. Таким образом, за сходными показателями доли сложного предложения в «Вадиме» и в «Княгине Лиговской» стоит разный строй синтаксиса этих двух произведений: в «Вадиме» большое число сложных предложений обязано суггестивной манере письма (в частности, многочисленным повторам), в «Княгине Лиговской» – установкой на психологическое письмо. Наиболее частотный размер сложного предложения в «Княгине Лиговской» располагается в интервале между 15 и 30 словами. В романе редко встречаются очень длинные сложные предложения, хотя встречающиеся предложения достигают иногда очень внушительных размеров и способствуют увеличению РСП.

По сравнению с «Вадимом» доля бессоюзных предложений относительно общего числа сложных предложений увеличивается с 21 до 27%, доля сложносочиненных предложений возрастает с 17 до 20%, доля сложноподчиненных предложений – с 15,5 до 26%, зато доля сложных предложений с разными видами связи значительно уменьшается – с 46 до 27,5%. Увеличение доли всех видов сложного предложения в «Княгине Лиговской» происходит за счет уменьшения доли сложных многочленных предложений с различными видами связи и связано с уменьшением коэффициента сложности сложного предложения до 2,4.

Процентное распределение разных типов сложного предложения в «Княгине Лиговской» сближает это произведение не столько с «Вадимом», сколько с «Героем нашего времени». Вместе с тем из трех романов в «Княгине Лиговской» самая большая доля сложноподчиненных предложений – 20% (для сравнения в «Вадиме» 17%, в «Герое нашего времени» 16%). Увеличение доли сложноподчиненного предложения в романе следует связывать с его описательно-мотивирующей (психологической) манерой: автор не просто дает изображение внутренней жизни через вещный мир, но и в эксплицированном виде поясняет характер связи между ними.

В целом можно констатировать, что уменьшение основных параметров предложения по сравнению с «Вадимом» обусловлено тем, что язык «Княгини Лиговской» ориентируется на изящную речь светского салона и существенно отличается от суггестивно-риторической манеры первого романа. Это, в частности, отражается на параметрах сложного предложения и общем коэффициенте сложности предложения в произведении. В своей массе сложное предложение в «Княгине Лиговской» очень невелико по объему. С другой стороны, установка автора на психологическое письмо, предполагавшее изображение внутреннего мира героев через внешний мир, обуславливала усиление описательного компонента в произведении и вело к развертыванию простого предложения за счет введения в его состав однородных членов, различных атрибутов и полупредикативных оборотов.

Четвертая часть второй главы посвящена анализу РП в романе «Герой нашего времени». В «Герое нашего времени» Лермонтов отказывается от «сплошного романа» и переходит к «цепи повестей» (Б.М. Эйхенбаум), имеющих гибридную жанровую природу. В силу этого

анализ РП в романе шел в двух направлениях: во-первых, были получены данные для романа в целом для последующего сравнения с двумя предшествующими романами; во-вторых, РП был посчитан для каждой новеллы в отдельности, с тем чтобы выявить связь между РП и жанровой спецификой новелл.

Говоря об особенностях языка «Героя нашего времени», В.В. Виноградов отмечает, что Лермонтов осуществил в романе синтез достижений стиховой и прозаической культуры и оригинально разрешил проблему «метафизического» языка, соединив художественную прозу с элементами научного и публицистического стиля; он переработал достижения романтизма для изображения душевной жизни человека. Язык лермонтовской прозы сблизился с языком разговорной речи. Указание на сближение языка романа с языком разговорной речи убедительно подтверждается полученными данными РП. РЦП в романе «Герой нашего времени» составляет 17 слов и свидетельствует о дальнейшем упрощении синтаксических структур, организующих роман, по сравнению с предшествующими прозаическими произведениями. Даже по сравнению с «Княгиней Лиговской», язык которой заметно проще языка «Вадима», происходит значительное сокращение РЦП – на 9 слов.

Сокращение РЦП происходило за счет трех факторов: во-первых, в результате сокращения РПП до 8,35 слова (ср. «Вадим» – 8,5; «Княгиня Лиговская» – 10,8 слова), во-вторых, за счет сокращения РСП до 23,3 слова (ср. «Вадим» – 48,6; «Княгиня Лиговская» – 32 слова) и, наконец, в результате сокращения доли сложных предложений в тексте до 57,7% (ср. «Вадим» – 78,6%; «Княгиня Лиговская» – 71%). Таким образом, язык «Героя нашего времени» отражает тенденцию к постепенному упрощению синтаксиса художественной прозы писателя.

Среди простых предложений шире всего распространены предложения, состоящие из 5 – 7 слов; например: *Я сидел у княгини битый час; Вечером на бульваре ее не было; Недаром Нарзан называется богатырским ключом; Сегодняшний вечер был обилён происшествиями; Я забыл об этом предупредить княжну Мери. Все заметили эту необыкновенную веселость; Эта мысль мне доставляет необъяснимое удовольствие; Росистый вечер дышал упоительной прохладой;* и т.д. (примеры из «Княжны Мери»). Достаточно велика доля очень коротких предложений, состоящих из 1 – 3 слов. Это заметно отличается от романа «Княгиня Лиговская», где широко представлены простые предложения, развернутые за счет введения атрибутивных, полупредикативных и однородных компонентов.

Сокращение РСП в «Герое нашего времени» произошло при одновременном увеличении коэффициента сложности, который составляет 3,2 предикативной единицы (ср. 2,4 в «Княгине Лиговской»). Это могло произойти только в том случае, если резко уменьшается размер предикативных единиц, которые входят в его состав. Действительно, РППС в «Герое нашего времени» заметно уменьшается по сравнению с первыми

двумя романами и составляет 7,8 слова (в «Вадиме» этот показатель составляет 9,3, а в «Княгине Лиговской» – 9,2). Сокращение размера предикативных единиц, входящих в состав сложного предложения, происходило как за счет редукции различных распространителей, так и за счет пропуска структурных элементов предложения, т.е. употребления неполных предложений (например: *Мери не вышла, – больна*).

Среди сложных предложений наиболее частотны структуры, состоящие из 12 – 17 слов. Наряду с ними встречаются и очень короткие сложные предложения, состоящие из двух слов, например: *Оборачиваюсь – Грушницкий!*; *Вышло – вздор*, и очень развернутые структуры, состоящие из более чем 100 слов. Наиболее развернутые сложные предложения отмечаются в описаниях природы и в портретных характеристиках героев. Так, описание Гуд-горы в новелле «Княжна Мери» состоит из 136 слов, объединенных в составе 20 предикативных единиц, и является самым длинным предложением в тексте.

Сокращение РСП и РППС является, по-видимому, следствием общей ориентации языка романа на устную речь. Распределение в романе разных типов сложного предложения также свидетельствует об этом. Наиболее распространенным типом сложного предложения в романе является бессоюзное предложение: его доля составляет 33,9% (для сравнения в «Вадиме» 20,9%, в «Княгине Лиговской» 26,9%). Увеличение доли бессоюзных предложений в «Герое нашего времени» происходит за счет снижения доли остальных типов сложного предложения, процентное распределение которых в целом близко к показателям романа «Княгини Лиговской». Бессоюзное сложное предложение является яркой приметой разговорной речи; в романе бессоюзная связь (в рамках бессоюзного сложного предложения и многочленного сложного предложения с разными видами связи) активно используется как в повествовательном, так и в описательном типе речи; например:

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли («Бэла»); Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты («Фаталист»).

Упрощение синтаксиса языка «Героя нашего времени» сравнительно с синтаксисом предшествующих романов можно объяснить общим движением лермонтовской прозы от романтических принципов изображения к реалистическим. Реалистическая проза характеризовалась отказом от многих риторических приемов и ориентацией в целом на более простые синтаксические структуры. С другой стороны, вопрос о том, является ли метод изображения в романе реалистическим, романтическим или в нем совмещаются оба метода изображения, остается дискуссионным. Если

принять точку зрения некоторых литературоведов, что в роман пронизан горечью романтического разочарования, что в нем подчеркивается «всевластие действительности» (В.П. Казарин) и изображается мир, в котором нет места для романтических идеалов, то и такой подход позволяет объяснить ориентацию романа на простой язык, лишенный риторических украшений.

Далее анализ РП в романе «Герой нашего времени» осуществляется отдельно по каждой новелле. По мнению Б.Т. Удодова, новеллы, составляющие роман, характеризуются жанровой гибридность: «Максим Максимыч» представляет собой сочетание путевого очерка и очерка-портрета с рассказом; в «Тамани» сочетаются черты «разбойничьей» новеллы и путевых заметок; «Княжна Мери» – сплав дневника, светской повести и записок; в «Фаталисте» сочетаются черты записок, философской и приключенческой новелл. Выявлению зависимости между жанровым своеобразием новелл и количественными параметрами предложения посвящена дальнейший анализ РП в романе.

Новелла «Бэла» является первой новеллой из цикла и посвящена кавказской теме, широко представленной в русском романтизме, например, в повестях А.А. Бестужева-Марлинского. В.В. Виноградов справедливо отмечает, что новелла далеко отходит от романтического канона: «романтический сюжет тут подвергается реалистическому переосмыслению». При анализе РП в новелле «Бэла» учитывались только фрагменты, составляющие монологическую речь, в силу чего рассказ Максима Максимыча не попал в число проанализированных фрагментов. Монологическая речь принадлежит проезжему офицеру, поэтому приводимые числовые данные характеризуют не язык новеллы в целом, а только речевые особенности проезжего офицера, являющегося автором путевых записок.

РЦП в «Бэле» равен 16 словам, что несколько меньше РЦП в романе в целом; РПП составляет 10 слов, РСР – 18,7 слова, РПС – 7,9 слова. По последнему параметру новелла близка к РПС романа в целом (7,8), зато и РПП, и РСР сильно отличают новеллу от остальных новелл романа: РПП оказался самым большим среди других новелл, тогда как РСР, наоборот, самым маленьким. Большой РПП не приводит к сильному увеличению РЦП, так как процент простых предложений в новелле невелик – около 36%: основной синтаксической структурой (64,1%) является сложное предложение, средний размер которого, как было отмечено, является наименьшим среди новелл.

Среди разных типов сложного предложения, представленных в новелле, наиболее частотным является сложное многочленное предложение с различными видами связи – 34,3%: это самый большой показатель среди всех новелл. По-видимому, столь большая доля этой структуры связана с большим числом описаний в «Бэле», прежде всего пейзажей. Описания в романе, как было отмечено, тяготеют к развернутым сложным

предложениям. Их введение в языковую ткань новеллы мотивируется ее принадлежностью к путевым запискам: кавказские пейзажи принадлежат проезжему офицеру и являются отражением его впечатлений. На втором месте по частотности стоит сложноподчиненное предложение, составляя 32,3% от числа всех сложных предложений новеллы. По этому показателю «Бэла» уступает только следующей за ней новелле «Максим Максимыч», где доля сложноподчиненных предложений еще выше – 34,7%. Объяснением такой большой доли сложноподчиненных предложений в новелле является общая установка автора путевых заметок на фиксацию деталей происходящего и на мотивировку всех повествовательных приемов. В новелле встречаются придаточные разных типов – временные, уступки, цели, причины и др.

Новелла «Максим Максимыч» имеет переходный характер: в структуре романа она мотивирует переход к «Журналу Печорина». Кроме того, новелла позволяет Лермонтову ввести мотивированное описание внешности Печорина. Язык новеллы оказывается смешением различных повествовательных форм: в ней можно выделить сочетание простого повествования с драматическим бытовым диалогом, которое используется при описании встречи Максима Максимыча с Печориным; лирическое раздумье автора; психологический портрет Печорина.

Различные повествовательные формы, выделяемые в новелле, не одинаковы по своим языковым характеристикам. Описание встречи штабс-капитана и Печорина ведется в пушкинской манере быстрого повествования, для которого характерна короткая фраза и отсутствие риторической украшенности. Лирическая концовка новеллы близка стилю лирических отступлений Гоголя: «те же перебои вопросительных и восклицательных интонаций, та же симметрия периодов, те же дактилические концы основных синтаксических групп» (В.В. Виноградов). Психологический портрет Печорина строится при помощи отвлеченного языка и развернутых синтаксических конструкций; резко увеличивается количество определений и определяемых конструкций.

РЦП в новелле равен 18,6 слова; РПП – 7,5 слова; РСП – 27,6 слова. Примечательно, что если в «Бэле» фиксируется самый большой РПП и самый малый РСП среди остальных новелл, то в «Максими Максимыче» все в точности наоборот: РПП самый малый, а РСП самый большой среди новелл (в сравнении с «Бэлой» РСП больше почти на 9 слов). РСП в «Максими Максимыче» создается не только за счет количества предикативных единиц в его составе (средняя сложность сложного предложения равна 3,3, что меньше, чем в «Бэле», но больше, чем в остальных новеллах), но прежде всего за счет развернутости предикативных единиц, входящих в состав сложного предложения: РППС самый большой среди новелл и составляет 8,2 слова.

Распределение разных типов сложного предложения также имеет свою специфику в сравнении с предшествующей новеллой. На первом месте по

частотности оказывается сложноподчиненное предложение (34,7%), вслед за ним идут сложное многочленное предложение с разными видами связи (26,4%), сложносочиненное предложение (23,6%), замыкает этот ряд сложное бессоюзное предложение (15,3%).

Доля сложноподчиненного предложения в новелле чуть больше, чем «Бэле»; главным отличием является то, что наиболее активным типом придаточного в новелле «Максим Максимыч» является придаточное изъяснительное. Это можно связать с тем, что в отличие от предыдущей новеллы в «Максими Максимыче» автор выступает, прежде всего, как внимательный наблюдатель, который протоколирует и оценивает происходящее вокруг него. Бессоюзные сложные предложения, а также простые предложения тяготеют к динамическим фрагментам новеллы. Примечательно в новелле увеличение доли сложносочиненных предложений, которое происходит главным образом за счет предложений с противительными и сопоставительными отношениями между частями.

Новелла «Тамань» открывает собой «Журнал Печорина»; в отношении проблематики и характера обнаружения героя «Тамань» соприкасается и как бы продолжает «Бэлу». Внимание рассказчика новеллы сосредоточено на показе самих событий, их участников, обстановки, «о своих переживаниях и мыслях он почти ничего не говорит» (Е. Михайлова). Лермонтов избрал предметом изображения в новелле мир контрабандистов, связанный с излюбленной в романтизме темой моря и корсаров. Однако вместо ожидаемого романтического колорита автор выбирает будничный тон повествования, задающийся с первых фраз новеллы. Будничный тон повествования, впрочем, не препятствует введению в него некоторых романтических элементов. В обрисовку образов и развитие сюжета «Тамани» Лермонтов вводит элемент тайны, недоговоренности. Сама композиция новеллы имеет преднамеренно незавершенный, открытый характер.

По своим количественным характеристикам «Тамань» и близка к показателям, полученным для романа в целом, и значительно отличается от них. Очень близкими оказываются показатели РЦП 17,2 (17,0), РПП 9,2 (8,35), РСР 22,0 (23,3) и РППС 7,5 (7,8; в скобках даны показатели, полученные для романа в целом). Но за сходными показателями стоят разные синтаксические структуры. Сравнение распределения разных типов сложного предложения показывает, что в новелле «Тамань» самая высокая среди остальных новелл доля сложносочиненных предложений – 34,6% относительно всех сложных предложений в новелле и самая низкая доля сложноподчиненных предложений – 11,4% (в романе в целом 16,0% и 24,2% соответственно). Сниженной оказывается также доля бессоюзных сложных предложений – 24,3 (при 33,9% в романе в целом). Низкая доля сложноподчиненных структур связана с ослабленностью в новелле рефлектирующего начала.

Исследователи творчества Лермонтова, начиная с В.Г. Белинского, отмечают необыкновенный лиризм языка «Тамани». По словам

Б.М. Эйхенбаума, «из маленького и ничем не кончающегося приключения сделана новелла, в которой ощущается каждое ее слово, каждое движение». М.В. Моисеева отмечает, что не только язык, но и поэтика, принципы развертывания «Тамани» связаны со стиховыми формами: Лермонтов выступил экспериментатором в новелле, «синтезировав особенности эпического жанра повести и лиро-эпической баллады». На фоне рассуждений исследователей о лиризме языка «Тамани» вряд ли случайным выглядит большая близость данных, отражающих распределение разных типов сложного предложения в «Тамани» и в поэме «Мцыри».

Новелла «Княжна Мери» близка к традиционной светской повести с балами и дуэлями и сюжетно связана с романом «Княгиня Лиговская». Лермонтоведы обращают внимание на то, роман Лермонтова в целом и новелла «Княжна Мери» в особенности построены по правилам драмы. Печорин в новелле выступает как сознательный организатор событий, действующий рассчитано и целеустремленно, как своеобразный режиссер.

В жанровом отношении новеллу «Княжна Мери» определяют как сплав дневника, светской повести и записок. В новелле Печорин выступает в двух ипостасях. С одной стороны, герой выступает как наблюдатель и экспериментатор, который зорко следит за каждым словом, взглядом, каждым душевным движением окружающих людей, фиксируя свои наблюдения и впечатления в записях дневника. Иногда эти наблюдения и впечатления подвергаются детальному психологическому исследованию. В своих дневниках Печорин воспроизводит драматические сценки, диалогические отрывки, но делает это в сгущенном виде. Изображение других людей в новелле дается в манере «типически-обощенного портрета, основанного на сочетании внешних и внутренних психологических примет» (В.В. Виноградов). Соответствующие части записок Печорина имеют замедленный темп изложения. С другой стороны, Печорин изучает и самого себя: «тут у Лермонтова выступает метод аналитического разложения чувства или метод драматического воспроизведения внутренней речи, однако в литературно-разговорной обработке ее эллиптического строя» (В.В. Виноградов). Стиль психологического описания полон парадоксов и афоризмов, облеченных в форму вопросов. Пытаясь определить и классифицировать психологические состояния, герой активно использует предложения, имеющие вид логического определения, номинативного суждения. Но при объяснении душевной жизни герою часто не удается однозначно определить свои чувства, поэтому активно используются разделительные конструкции с союзами «или – или».

Язык новеллы «Княжна Мери» характеризуется коротким предложением. РЦП имеет самый маленький показатель среди новелл, составляя 15,6 слова; новелла характеризуется небольшими РПП – 8,06 слова, РСР – 21,8 слова и РППС – 7,7 слова. К сказанному можно добавить, что от всех новелл «Княжна Мери» отличается наименьшей долей сложного предложения (54,9%) и средней сложностью сложного предложения (2,7). В

целом новелла характеризуется тяготением к коротким синтаксическим структурам.

Синтаксические структуры распределяются в тексте новеллы неравномерно. Наиболее компактные структуры связаны с регистрацией Печориным случившихся событий; например: *Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей поверять свои сердечные тайны: надо признаться, удачный выбор!* Таких фрагментов в новелле много, и этот факт, по-видимому, ведет к снижению РЦП. Как можно видеть из приведенных примеров, фрагменты строятся при помощи простых и бессоюзных сложных предложений (доля последних среди других типов сложного предложения является наибольшей, составляя 38,5%). Фрагменты, в которых регистрируются события, являются основой для введения размышлений героя о себе или об окружающих людях. Размышления вводятся при помощи более сложных структур: часто используются сложноподчиненные предложения или сложные многочленные предложения с разными видами связи. К фрагментам, которые строятся при помощи развернутых синтаксических структур, относятся также портретные описания.

Новелла «Фаталист» занимает особое место в романе, поскольку завершает его, оставаясь в то же время самостоятельным произведением. В «Фаталисте» все вращается вокруг темы судьбы, предопределения. В раскрытии этой темы Лермонтов применяет «пушкинский принцип разноплоскостных отражений и вариаций центрального образа» (В.В. Виноградов). «Фаталист» представляет собой компактный и остро-событийный рассказ, который сочетает черты двух жанров: анекдота и философской новеллы, кроме того, в нем можно обнаружить черты записок. Расположение эпизодов в «Фаталисте» имеет симметричный характер: опыты Вулича и Печорина композиционно противопоставлены друг другу.

Сочетание в «Фаталисте» элементов двух жанров – анекдота с его динамичной структурой и философской новеллы, предполагающей элементы размышления и обобщения, объясняет ряд языковых особенностей этой новеллы, находящихся свое отражение в параметрах простого и сложного предложения. Если вслед за Е. Михайловой разделить новеллу на три части, то в языковом отношении первая и третья части противопоставлены второй части, наполненной размышлениями Печорина о человеческой судьбе, которые герой делает на фоне ночного неба.

Обращает на себя внимание большой процент сложных предложений в новелле – 67,6% от числа всех предложений в новелле (при среднем показателе в романе 57,7%). По этому показателю новелла стоит на первом месте среди остальных новелл романа (ближе всего по этому параметру стоят новеллы «Бэла» и «Тамань»). Именно этим объясняется и самый большой РЦП в новелле – 20,2 слова, что на три слова больше среднего показателя в романе (17,0 слова).

Распределение типов сложного предложения в новелле имеет следующую специфику. Наиболее частотным оказывается бессоюзное сложное предложение, составляя 46% от общего числа сложных предложений в новелле (по этому показателю ближе всего к «Фаталисту» стоит новелла «Княжна Мери», где бессоюзное предложение тоже является ведущим). Наименее частотно в новелле сложносочиненное предложение (9,2%): это самый низкий показатель среди новелл. Доля сложноподчиненных предложений в новелле (24,1%) оказывается близкой к среднему показателю для романа в целом (24,2%), зато доля сложных предложений с разными видами связи оказывается самой низкой среди новелл (20,7%).

Большую долю сложных бессоюзных предложений в новелле можно объяснить остро-событийным характером изложения в первой и третьей части «Фаталиста». Бессоюзная конструкция, наряду с простыми предложениями, оказывается удобным способом для придания динамичности изложению; одновременно с этим бессоюзные структуры придают изложению повседневный, будничныи характер. Сложноподчиненные предложения и сложные многочленные структуры с разными видами связи, наоборот, сосредоточены во второй части «Фаталиста», насыщенной размышлениями героя о судьбе. Некоторые из этих синтаксических структур достигают внушительных размеров. В целом можно констатировать, что распределение разных видов сложного предложения хорошо отражает отмеченные выше жанровые особенности новеллы «Фаталист», а именно смешение черт сюжетной новеллы (анекдота) и философской новеллы.

РПП (9,0) и РППС (8,0) оказывается довольно близким к средним показателям в романе (соответственно 8,35 и 7,8). Следует, однако, отметить, что за этими средними показателями в новелле стоят различные структуры – как очень развернутые, так и с сильно редуцированным описательным элементом. В этом также отражается гетерогенность представленных в новелле жанровых черт.

Сопоставительный анализ РП в новеллах «Героя нашего времени» показывает отчетливую связь между их жанровыми чертами и особенностями языка. По ряду параметров РП обнаруживает значительную вариабельность.

В Заключении подводятся итоги исследования. Проведенное в работе исследование РП в поэзии и прозе Лермонтова позволило по-новому взглянуть на динамику языковых процессов в его творчестве.

Анализ РП в ранней лирике и в поэме «Мцыри» дает основание сделать вывод о значительной стабильности поэтического синтаксиса у Лермонтова; такую стабильность можно связать с версификационными факторами: стихотворная форма достаточно жестко навязывает произведению определенные параметры предложения.

Проза Лермонтова противопоставлена его поэзии в отношении стабильности РП. От раннего романа «Вадим» к его последующим прозаическим произведениям прослеживается отчетливая тенденция к уменьшению основных параметров предложения. В первую очередь, это было связано с постепенным сближением синтаксиса художественной прозы Лермонтова с синтаксисом разговорной речи. Кроме того, в поздней прозе Лермонтов осуществил синтез прозаических и стихотворных приемов письма, что нашло отражение в сближении РП в поэзии и прозе.

Нестабильность параметров предложения в художественной прозе была обусловлена также тем, что Лермонтов ищет себя в прозе, перебирая различные формы организации ее языка, существовавшие в его время, и сам принимает активное и очень плодотворное участие в создании прозаического языка. В отличие от языка поэзии, имевшей уже в начале XIX в. сложившиеся формы, язык художественной прозы только формировался, происходил поиск и отбор языковых элементов, допустимых в прозаическом языке; происходил поиск тем и жанровых форм. На фоне этих процессов проза разных периодов творчества Лермонтова с неизбежностью должна была различаться.

Результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Вакурова Т.И. Динамика изменения длины предложения в прозе М.Ю. Лермонтова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. Вып. 1. С. 40–46.
2. Вакурова Т.И. К вопросу о длине предложения в языке художественной речи (на материале прозы М.Ю. Лермонтова) // Грамматика (Славянский цикл): Материалы XXXIV Международной филологической конференции, 14-19 марта 2005 г., Санкт-Петербург. Ч. 1. СПб., 2005. С. 20–23.
3. Вакурова Т.И. Размер предложения в поэзии и прозе М.Ю. Лермонтова (на материале поэзии 1828-1836 гг., поэмы «Мцыри», романов «Вадим», «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени») // Грамматика (Русско-славянский цикл): Материалы XXXIII Международной филологической конференции, 15-20 марта 2004 г., Санкт-Петербург. Ч. 1. СПб., 2004. С. 15–26.

Пописано в печать ¹⁶05.2011 г. Формат 60x84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,3. Тираж 110 экз. Заказ № 852

Отдел новых учебных технологий СПбГУ. Филологический факультет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

